

Ст. Куняев, С. Куняев

«Черный человек»

Поэма «Черный человек» писалась на протяжении двух лет и насчитывала несколько вариантов. Первоначальный текст поэмы Есенин привез из-за границы, и одним из первых ее слушателей был Мариенгоф, который тогда же сказал: «Совсем плохо. Никуда не годится». Этот вариант, как вспоминали слышавшие его современники, был длиннее и трагичнее, чем окончательный. Текст его нам, к сожалению, неизвестен, и мы не можем проследить трансформацию замысла. Но так или иначе, в конце 1925 года Есенин создает иной вариант поэмы. Можно предположить, что поэт вполне сознательно полностью лишил ее всякой драматургии — перед ним стояла совсем иная задача. Исчезли и заграничные реалии, которые имели место в первом варианте.

Некоторые из встречавшихся с Есениным в последние месяцы вспоминали потом, что поэт с какой-то нарочитой пренебрежительностью относился к своим лирическим стихам, написанным за последний год. Дескать, то ли выписался, то ли вообще все надоело, то ли уже готовился к добровольному уходу из жизни. А то, что происходило с Есениным, заслуживает отдельного разговора.

Он действительно, работая как проклятый, создавая поэтические шедевры один за другим, уже не чувствовал прежнего удовлетворения. Слишком легко стали даваться стихи. Для него уже не существовало тайн поэтического творчества, и, казалось, он подошел к некоему пределу в своем творческом развитии и в смущении остановился перед ним. Работа уже не доставляла ему прежней радости, пропало ощущение победы, достигнутой после тяжелого преодоления сопротивления поэтического материала. Легенда о Маяковском, как о великом труженике, переворачивавшем «единого слова ради тысячи тонн словесной руды», оказывается лишь легендой, когда начинаешь думать о Есенине, как о работнике. Он-то в отличие от Маяковского не придавал никакого значения комфорту внешнему или внутреннему. Чем тяжелее стояла перед ним творческая задача, тем с большим вдохновением он решал ее. Ощущение дискомфорта возникло тогда, когда этого удовлетворения не стало, когда даже избитые выражения приобрели под пером мастера свой первоначальный смысл, все поэтические горизонты казались достигнутыми. Потому-то он и думал начать повесть или роман, перейдя на прозу, рассчитывая преодолеть новый порог, вновь ощутить ту радость творческой победы, что приходит после тяжелого напряженного труда.

Работа над «Черным человеком» вернула ему прежнее чувство. Сопротивление материала было колоссальным, душевная и духовная сила достигала такой концентрации в процессе работы, какой он уже давно, казалось, не испытывал. Эта победа стоила всех предыдущих!

К ноябрю 1925 года поэма приобрела совершенно новый вид, но и это был еще не окончательный текст. Слишком много значила она для Есенина, и он упорно работал, шлифуя каждую строчку. Наседкин вспоминал, как дважды заставлял поэта в цилиндре и с тростью перед зеркалом, «с непередаваемой, нечеловеческой усмешкой разговаривавшим с... отражением или молча наблюдавшим за собой и как бы прислушиваясь к себе». Картина, что и говорить, не тривиальная для постороннего свидетеля. И вполне естественно, что Василий пришел к однозначному выводу: допился друг до ручки. А это была своего рода постановка спектакля, уже нашедшего воплощение в тексте.

Есенин никогда не работал в «черновом» состоянии и недвусмысленно высказался однажды, отмечая все подозрения на сей счет: «Я ведь пьяный никогда не пишу». А уж эта сверхнапряженная работа требовала особенно ясной головы и абсолютной чуткости каждого нерва.

Он читал еще не законченную поэму ленинградским друзьям во время приезда в Питер в начале ноября. Окончательный же беловой текст был записан 12–13 ноября и передан в редакцию «Нового мира».

Действие поэмы разворачивается глубокой ночью в полнолуние, когда силы зла властвуют безраздельно и приходят соблазнять душу поэта. Тихий зимний пейзаж, уже знакомый нам по последним лирическим стихотворениям, на сей раз теряет свою умиротворенность, и кажется, что снова нечто угрожающее притаилось в самой ночной тьме, каждое дуновение ветра воспринимается как предвестие появления «прескверного гостя»... Ощущение страшного одиночества рождает желание обратиться к неведомому другу, который, увы, не придет и не протянет руку помощи.

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица,
Ей на шее [в] ночи
Маячить больше невмочь.

Голова, размахивая «крыльями» в ночи, напоминает черную птицу — вестницу несчастья в «Пугачеве». Природа снова начинает угрожать и пророчить недоброе, словно нечисть в гоголевском «Вие», бушующая вокруг Хомы Брута, она — лишь предвестие появления самого страшного: «Поднимите мне веки. Не вижу». «“Не гляди!” – шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и глянул».

Поэт же вступает в поединок с нечистью, не очерчивая себя заветным кругом. Он должен заглянуть в покрытые «голубой блевотой» глаза черного гостя, так напоминающего его самого и в то же время — каждого из недавних знакомцев во фраках и цилиндрах, собирающих все черное, что окружает стихотворца, проникает ему в душу, дабы потом вытащить по строчке, извлечь по крупичам все самое отвратительное в его жизни и составить из этой мерзости свой портрет поэта.

Жизнь «какого-то прохвоста и забулдыги» разворачивает перед ним «прескверный гость», внушая, что иного портрета нет и быть не может. Так черт некогда сводил с ума Ивана Карамазова. Так Дориан Грей в ужасе смотрел на свое портретное изображение, которое становилось с каждым годом все безобразнее.

«Слушай, слушай, –
Бормочет он мне, –
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

.....
Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье, – говорил он, –
 Есть ловкость ума и рук.
 Все неловкие души
 За несчастных всегда известны.
 Это ничего,
 Что много мук
 Приносят изломанные
 И лживые жесты.

В грозы, в бури,
 В житейскую стынь,
 При тяжелых утратах
 И когда тебе грустно,
 Казаться улыбчивым и простым —
 Самое высшее в мире искусство».

Прескверный гость бьет в самые уязвимые места. Да и он, Есенин, «казался улыбчивым и простым», да, называл некогда сорокалетнюю балерину «скверной девочкой и своей милою»... Да, и «страной негодяев» величал любимую Россию, — только сейчас слышит поэт не свой голос, не изнутри он исходит. Это и есть тот самый собирательный образ его, который с таким упоением обслюнявливают и обсасывают в помоечных окололитературных углах. Но мало того, это чудовище, принявшее облик поэта, обвиняет его в том, что он, Есенин, – «жулик и вор, так бесстыдно и нагло обокравший кого-то». Да, и это доводилось слышать. Дескать, что в нем самостоятельного – сначала под Клюева работал, потом под Блока, затем под Бальмонта...

А сам он разве неповинен в этой легенде? Разве не сам создавал ее – дабы на нее «клевали», а в душу не лезли? Вот и пришла расплата. «Черный человек» лезет именно в душу, сверлит насквозь своими мутными глазами... Так нет же, «ты ведь не на службе живешь водолазовой», до дна души моей все равно не достанешь. Пусть другие слушают, а я не стану...

И все же придется выслушать до конца.

Снова раздается плач «ночной зловещей птицы», и как новое предвестие появления Черного человека слышится топот копыт — деревья, как всадники, съезжаются в саду, воскрешая в памяти пугачевский деревянный табун, рвавшийся навстречу гибели. И снова появляется он, затягивая на сей раз другую мелодию, заходя с другой стороны... Ждали мы, давно ждали этой минуты. Сейчас он «пройдется» по «Москве кабацкой», да так, как не проходила по ней никакая сволочь, выворачивающая стихи наизнанку:

Ах, люблю я поэтов!
 Забавный народ.
 В них всегда нахожу я
 Историю, сердцу знакомую, —
 Как прыщавой курсистке
 Длинноволосый урод
 Говорит о мирах./
 Половой истекая истомою.

Вот и вся «любовь». И все вы, дескать, таковы: народец, правда, забавный, но если на что и способны, так это на «дохлую томную лирику» ради «толстых ляжек».

Поэт терпит до конца. И срывается только тогда, когда в речи гостя возникает образ «мальчика в простой крестьянской семье, желтоволосого, с голубыми глазами»... Ладно, вывернул ты меня наизнанку, собрал всю грязь, но уж этого, шалишь, этого я тебе не отдам.

«Черный человек!
 Ты прескверный гость.
 Эта слава давно
 Про тебя разносится».

Давно, давно разносится... Пушкин видел его, и пушкинский Моцарт не знал покоя от его посещения и, уже создав «Реквием», все не мог отделаться от ощущения, что «как тень за мной он гонится», и кажется, что здесь, за столиком в трактире, «сам-третей сидит»... А в руке у собеседника уже зажат перстень с ядом. Снова вспомнилось пушкинское: «...он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы...» И продолжается, и долго еще будет продолжаться это зловещее вранье. Не случайно же Черный человек «водит пальцем по *мерзкой* книге», не зря же поэт отсылал в минуты чтения поэмы каждого имеющего уши и желающего слышать к великому Пушкину.

Гоголь. И его мучил этот вечный носитель зла. И Достоевский был с ним знаком, и Блок. И вот теперь — его, Есенина, очередь. Ну, так, он поставит на этом точку!

Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

Это не только «за меня». Это за всех них — за измученных и истерзанных тобою, которых ты так ненавидишь и без которых не можешь жить, паразитируя, насыщаясь их кровью, собирая все грехи их, великих даже в своем ничтожестве.

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

Дурная примета, предвестие смерти. Ну что ж, ежели не удастся уйти от судьбы — так хоть не будет больше Черный человек никого мучить.

...Ни один редактор при жизни Есенина не взялся напечатать эту поэму. Она откровенно всех отпугивала. Сам же Есенин читал ее бесчисленное количество раз — писателям, поэтам, каждому встречному и поперечному. Словно хотел объяснить что-то главное, самое существенное в себе самом. И знал: это — вершина.